

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ И СТРАНАМИ ВОСТОКА

IV международная научная конференция

(Севастополь, 6–10 октября 2020 г.)

Материалы конференции
ТОМ III

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

**ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ КРЫМА
СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА**

IV международная научная конференция

(Севастополь, 6-10 октября 2020 г.)

**Материалы конференции
ТОМ 3**

Москва
2020

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

Рецензенты:

Д.Д. Васильев, Н.И. Храпунов

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы IV международной научной конференции (Севастополь, 6-10 октября 2020 г.).

Том 3 / Отв. ред. А.Д. Васильев; сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников — М.: ИВРАН, 2020. — 44 с.

ISBN 978-5-89282-994-6 (т. 3) ISBN 978-5-89282-990-8

**Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 20-09-20029**

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

© Севастопольский государственный университет, 2020

© ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2020

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

IV Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма
со Средиземноморским регионом и странами Востока»
(6-10 октября 2020 г., Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,

Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Лебединский Виктор Викторович,

старший научный сотрудник ИВ РАН,

заведующий кафедрой «Востоковедение» СевГУ, к.и.н.

Члены Организационного комитета

Нечаев В.Д.

Ректор Севастопольского государственного университета, д.п.н., проф.

Морозова Е.А.

*Директор ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический»*

Татарков Д.Б.

*Директор Института общественных наук
и международных отношений СевГУ, к.и.н.*

Аликберов А.К.

*Зам. Директора ИВ РАН, Рук. Центра изучения Центральной Азии,
Кавказа и Урало-Поволжья, д.и.н.*

Седикова Л. В.

*Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-
археологический музей-заповедник «Херсонес-Таврический»», к.и.н.*

Бойцова Е.Е.

*Зам. Директора по учебно-научной работе Института общественных
наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.*

Васильев Д.Д.

Зав. Отделом истории Востока ИВ РАН, к.и.н., проф.

Васильев А.Д.

Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В.

Секретарь Оргкомитета, Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Пронина Ю.А.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Прудников В.В.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»», к.и.н.

Заместитель председателя Программного комитета

Татарков Дмитрий Борисович

Директор Института общественных наук и международных отношений СевГУ, к.и.н.

Члены Программного комитета

Васильев А.Д.

Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.

Гинькут Н.В.

Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историкоархеологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Пронина Ю.А.

Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН, к.и.н.

Романова Н.Г.

Зам. Директора ИВ РАН, к.и.н.

Содержание

Аверьянов Ю.А.

Суфийские братства в Крыму
по данным османских источников XVI-XVII вв.
и поиски следов их культурного влияния
в современную эпоху 7

Дубровская Д.В.

Драконы на бахчисарайских килимах:
из Китая в Крым по Великому Шелковому пути 10

Евдокимова А.А.

Крымские византийские граффити.
Лингвистические и палеографические особенности 14

Ильин М.В.

Четыре вопроса о Большом Средиземноморье.
Чем оно является и не является?
Чем стало и чем может стать? 18

Маковская Д.В.

Виктимологические содержание
противоречивости этнического статуса
(на примере крымскотатарской
этнической общности) 23

Мальцева Д.А., Сафонова О.Д.

Факторы эффективности и риски формирования
региональной модели стратегического управления
Республики Крым 30

Москаленко О.А., Ирхин А.А.

Крым и Севастополь
как элементы британского имперского мифа XIX-XXI вв. 32

Романова Н.Г.

Итало-турецкая война 1911-1912 гг. и Россия:
попытка пересмотра режима черноморских проливов 37

Чудинов А.В.

Влияние египетского похода Бонапарта
на систему международных отношений
в Восточном Средиземноморье 40

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 43

Аверьянов Ю.А.

СУФИЙСКИЕ БРАТСТВА В КРЫМУ ПО ДАННЫМ ОСМАНСКИХ ИСТОЧНИКОВ XVI–XVII ВВ. И ПОИСКИ СЛЕДОВ ИХ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

Averyanov Yu.A.

Sufi brotherhoods in Crimea, according to Ottoman sources
of the 16th–17th centuries,
and the search for traces of their cultural influence
in the modern era

На территории Крымского ханства действовали суфийские братства халватийя, джелветийя, гюльшанийя, мевлевийя, кадирийя и накшбандийя. Наиболее распространенным являлось братство халватийя, к которому принадлежали насельники обителей-текке в Гёзлеве, Каче, Аккермане, Акмесджиде, Гюлече (Коледже), Чуюнчи, Карасубазаре, Ташлы и Кефе. Османское государство оказывало поддержку братству халватийя с целью противопоставить его учение, основанное на любви к «семейству Пророка» (Ахдь-и байт) шиитскому идеологическому влиянию со стороны государства Сефевидов. Кроме того, халватийя, основанная тюркскими шейхами, по своим взглядам, по-видимому, воспринималась как нечто «родное» многими представителями тюркских народностей. Из числа крымских ханов известно о принадлежности Бахт Гирая к халватийи, Халим Гирая и Селим Гирая — к джелветийи, Ислам Гирая II и Мехмед Гирая IV — к наиболее «аристократическому» братству мевлевийя. Текке братства гюльшанийя было расположено в Кефе, там же находилась и обитель братства кадирийя. Накшбандийские проповедники встречались среди ногайских улемов.

Известно, что карадагский шейх XVI в. Эбубекир участвовал в походах хана Сахиб гирая на Кабарду и на Астрахань (эти походы он предвидел в вещем сне). «Тарих-и Мехмед Гирай-хан» сообщает о каком-то татарском (ногайском?) суфийи, героически погибшем в плену во время белградского похода хана Селим Гирая. В «Истории Саид Гирая» (1755-1758 гг.) перечисляются семь крымских шейхов. В сочинении «Умдат аль-ахбар» Абдюльгаффара-эфенди рассказывается об участии шейхов четырех суфийских обителей в ханском диване, наряду с карачи-беями и улемами: шейх обители Гюлеч (Коледж) близ Кефе; шейх обители Качи (под Бахчисараем, отдельная каза, насчитывавшая 50 деревень); шейх обители Чуюнчи (к северу от Акмесджида, также округ-каза, включавший шесть деревень); шейх обители Ташлы (на западном берегу Салгира, центр каза из 35 деревень). В кадийских регистрах-сиджилях XVII в. встречаются имена свидетелей с титулом «шейх», но об их принадлежности к суфиям судить трудно. В этих регистрах упоминается глава потомков Пророка в Крыму — сейид Мухтерем-эфенди. По сведениям Эвлии Челеби, общее количество «людей единения» (суфиев) в Крымском ханстве составляло 40 тысяч. Братства халватийа и кадирийа действовали среди широких масс; братства мевлевийа и накшбандийа — больше среди образованного сословия.

Проповедовавшие среди ногаев Мехмед Дагистанлы, Бай Акай, Хаджи Курман, Сулейман и Таййари Мехмед одновременно являлись и улемами, и обладали шейхским достоинством (мешихат). Эвлия Челеби называет имена халватийских шейхов Ахмеда Гюлечли в Гёзлеве, Хызыр Шаха — в Каче (сто лет спустя главой обители в Каче был Абдюльхалим, по данным Саид Гирая), шейха Мехмеда — в Ташлы, шейха Ахмеда и Дамада-эфенди — в двух больших обителях в Кефе. Мевлевихане сохранилось в Гёзлеве (рядом с Ханской мечетью); другое мевлевихане было основано возле Бахчисарая Мехмед Гиравем IV. Происходивший из Кефе Селим Баба (ум. 1756) был видным адептом кадирийского тариката. Некоторые подробности о суфийских наставниках приводит Саид Гирай. Так, шейх Гюлеча (Коледжа) Муса, сын Вели, сочинял вдохновенные стихи под воздействием опиума, от которого «получал веселье». Шейх обители в селении Чуюнчи Абдурахман, сын Абдюльджемиля, прославился как знаток сердец

(но не указывается, к какому братству он принадлежал). В селении Ямурчи был муршидом шейх Абдуллах, сын сейида Али. Его обитель оказывала помощь всем нуждающимся. Среди крымских шейхов равным ему считался только шейх Карасубазара Мехмед-эфенди (в Карасубазаре имелось пять текке братства халватийа).

Дубровская Д. В.

ДРАКОНЫ НА БАХЧИСАРАЙСКИХ КИЛИМАХ: ИЗ КИТАЯ В КРЫМ ПО ВЕЛИКОМУ ШЕЛКОВОМУ ПУТИ

Dubrovskaya D.

Bakhchisaray Kilims' Dragon Motif:
From China to Crimea along the Silk Road

Традиционные килимы, тканые плоские (безворсовые) двусторонние ковры ручной работы, безусловно впервые появились не в крымско-татарском ткачестве, в частности, в прославленном этим видом декоративно-прикладного искусства Бахчисарае. Килимы, исторически ведущие свое происхождение из древней Персии (самый древний прообраз килимов — т. н. Пазырыкский ковер, созданный на переломе эр, был обнаружен С. И. Руденко в Пятом Пазырыкском кургане на Алтае и хранится в Эрмитаже) — это, в основном, турецкие изделия, особенно важные для Анатолии, где наиболее развит этот вид ковроткачества. Характерные узоры, украшающие эти шерстяные и/или шелковые ковры, геометризированы и стилизованы [Davies: 2001].

Получить четкий геометрический узор при ковроткачестве довольно сложно: для создания линий, соединяющихся под острыми углами или резко заканчивающихся без перехода в другие, мастера заканчивали каждый элемент узора на определенной нити и возвращали цветную уточную нить назад по уже пройденному пути. Угловатые геометрические узоры килимов важны не только большой ценностью для коллекционеров и музеев, но и «генетикой», ибо некоторые из этих символов недаром напоминают тюркскую рунику, а то и вовсе китайскую иероглифику.

Килимы могут похвастаться собственной азбукой характерных рисунков и мотивов. Этот семиотический язык, уходящий корнями в архаические практики и родовой символизм турецкой Анатолии, древнего Ирана и далекого Китая, весьма важен как для производителей, так и для потребителей килимов, потому что ковры предназначались не только и не столько для украшения и утепления быта, сколько для выполнения функций оберега и защиты от сглаза семьи, обладавшей изделием. В «семиотической азбуке» крымских килимов можно обнаружить как отвлеченные понятия — символы счастья и плодовитости, так и конкретные символы-обереги против волков, скорпионов и дурного глаза. Естественно, что к рубежу XX в. смысл многих узоров килимов был утерян и вовсе не считается человеком чужой культуры.

Однако так было не всегда. Учитывая существовавшие с древнейших времен активные связи народов Евразии и перекочевку художественных образов трассами Великого шелкового пути и степными коридорами, мы можем смело рассматривать гипотезы, связанные с заимствованием определенных мотивов из образного ряда искусства и орнаментики народов, проживавших вдоль основных кочевых коридоров (см., например, [Дубровская: 1989]).

Особый интерес для настоящего доклада представляет достаточно редко (по сравнению с обыденными ритуализированными объектами вроде расчески, серьги, крынки или крючка или реальных представителей животного мира — скорпиона, паука, волчьей пасти), но все же встречающийся на бахчисарайских килимах символ дракона.

Для центральноазиатских тюрок дракон был мифическим существом, этого хозяина воздуха и воды стилизовали, снабжая клювом, змееподобным хвостом (как того же мифического китайского цилиня), крыльями и львиными ногами.

В Китае изображения дракона известны с неолитических времен (ракушечные и нефритовые драконы), среди прототипов этого образа называют как находившиеся людьми останки динозавров, так и — достаточно неожиданно — свиней. Для Китая дракон — символ императорской власти, мужского начала, света и огня. Тюркский мир не был чужд символизму

дракона: считалось, что его битва с мифическим антагонистом — фениксом приносит плодородные весенние дожди. Поэтому во многих произведениях декоративно-прикладного искусства (в ткачестве, текстильном производстве и в миниатюре), и не только в Китае, дракон стилизуется в форме облака (вспомним знаменитые китайские энергетические облака-*ци*). Однако чем дальше уходит дракон от «драконового трона» китайских императоров и углубляется в народные поверья, тем чаще он уподобляется большой змее и получает менее символические и более практические функции: охраняет сокровища, клады и любые спрятанных объектов, порой даже древо жизни. Достаточно долго именно ночной полет дракона считался причиной лунных затмений.

Отметим, что дракон не единственное заимствование тюркского ковроткачества в Срединной империи. Так, знаменитый символ единства энергии *ци*, взаимопереплетение *инь* и *ян* используется в килимах в значении «любовь и единство» (тур.: *Aşk ve Birleşim*) [Guran: 1998, 4-30].

Китайский дракон, чаще всего изображаемый в Поднебесной «натуроподобно» (не забудем, что у китайских драконов, хотя они и летают, нет крыльев), претерпевает в килимах большие изменения, и главное из них заключается в том, что символы дракона (тур.: *Ejder*), скорпиона и паука (специалисты иногда называют паука «крабом» или «черепашкой») объединяет одинаковая базовая ромбовидная форма с крючко- или ступенчатой формой краем, из-за чего их порой достаточно сложно различить [Anqueti: 2003, 40-43].

Крымско-татарские килимы Бахчисарая унаследовали все основные качества персидских и анатолийских ковров, включая узоры, которые, конечно же, претерпели модификацию [Спасская: 1926]. Так, к основным мотивом крымско-татарского ковроткачества принадлежат: *индже бели* (тонкая талия), *кобек* (пуп, центр), *гогерджин тырнагы* (коготок голубя), *кабак чегирдеки* (семечко тыквы), *налбанд тезьясы* (наковальня), *арслан агыз* (пасть льва), *сельби* (тополь), *огюз сийдык* (моча, след быка), *огюз козь* (глаз быка), *кыркаяк* (сколопендра), *тарак* (гребень) и один из самых популярных узоров — *пахлава* (ромбовидная сладость) [Изидинова: 1995].

Пахлава крымско-татарских килимов — один из наиболее легких в исполнении и часто встречающихся узоров, но есть основания предполагать, что за простой ромбовидной формой популярной сладости прячутся мифические животные, еще в древности пришедшие в Персию и Анатолию дорогами Великого шелкового пути из далекой Срединной империи.

Bibliography:

ДУБРОВСКАЯ Д. В. Откуда пришел цилинь // *Азия и Африка сегодня*. 1989. № 3. С. 61–62.

РУДЕНКО С. И. Пятый Пазырыкский курган // *КСИИМК (Краткие сообщения Института истории материальной культуры)*. Вып. XXXVII. М.–Л., 1951. С. 106–116.

ИЗИДИНОВА С. Р. *Об искусстве орнаментального тканья крымских татар*. Севастополь, 1995.

СПАССКАЯ Е. Ю. Старо-крымские узоры // *Известия общества обследования и изучения Азербайджана*. Баку, 1926.

ANQUETI J. (2003). *Carpets Techniques Traditions and History*. N.-Y., 2003.

DAVIES P. *The Visual Language of the Anatolian Kilim. Antique kilims of Anatolia*. N.-Y., 2001.

GURAN E. *Kilim Catalogue No. 1*. Istanbul, 1998.

Евдокимова А.А.

КРЫМСКИЕ ВИЗАНТИЙСКИЕ ГРАФФИТИ. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ.

Evdokimova A.A.

Crimean Byzantine graffiti.
Linguistic and paleographic peculiarities.

Византийские граффити найдены в Крыму в памятниках разного типа, датированных от IV в. до XV в. Для анализа нами было изучено более 80 граффити, около 50 взяты из V тома корпуса IOSPE, опубликованного на сайте <https://iospe.kcl.ac.uk/5.91-ru.html>, остальные из неопубликованного собственного архива.

По палеографии памятники делятся на две большие группы:

1) написанные маюскулом, чаще встречаются на мраморе или известняке, они похожи на надписи из Софии Константинопольской (см. Евдокимова 2013).

2) частично написанные минускулом и маюскулом, по многим чертам схожи с граффити из Каппадокии. В некоторых надписях встречаются минускульные начертания, например, «υ», «δ» и «ε». Некоторые из них содержат традиционные сокращения, в том числе «τ`» τ(όν).

В обеих группах чаще всего «ε» и «σ» лунарные. Граффити Крыма отличаются от граффити Каппадокии, Киева, Кипра, Крита и других регионов не только по лингвистическим и палеографическим особенностям, но и по тому материалу, на котором они начертаны. Большая часть памятников других регионов процарапана на фресковом фоне и выбор материала влияет на палеографию, в том числе на более частое использование минускульных знаков, чем в Крыму.

Фрагментарный характер ряда памятников не позволяет в полной мере оценить их формульный состав, ряд формул встречается по одному

разу. Большая часть граффити содержат молитвенную формулу «Κ(ύρι) ε βοήθει τοῦ δούλου/ τὸν δοῦλον» (Господи помоги рабу), с Р.п., и с В.п. Слово «βοήθει» чаще пишется в варианте «βοήθη», однако встречаются и другие написания: «[βο]ύθυ», «βούφη» и т. д. Для оценки других формул необходимо провести дополнительный анализ памятников *in situ*.

При анализе орфографии мы выделили две ключевые тенденции, которые свойственны для большинства граффити данного региона: «η» вместо «ι» и «ο» вместо «ω».

Первая из них «η» вместо «ι» встречается в предударном слоге: «δηά», «νηκᾶ», «Νηκόλα», «πηστ(οῦ)», «ἠνδ(ικτιῶνος)», «[iv]δη(κτιῶνι)», «Ἠω(άννης)», под ударением: «φήλον» (φίλων), «Προκοπήο» (Προκοπίω), «Θωτήου» (Φωτίου), «Ἐπή», «Ἰουλίου», «Θεδοσήου», «Ἐρδαστήου», в заударном слоге: «τέλψης», «ἀ[νά]ξηον», «Κύρηε». Обратная мена встречается дважды в двух граффити с одного памятника в слове «τύχι», а также в других памятниках в существительных в предударном слоге: «μινί», «ίμέρα» и в глаголе «βοίθη» под ударением. Как мы писали ранее на примере глагола «εκοιμηθη» в крымских греческих надписях [Евдокимова 2019]: «В ударном положении наиболее часто возникает замена η на ι, как и в заударном слоге, вторая по частотности и с большим отрывом по количеству η на υ. Такие же замены η на ι зафиксированы под ударением для граффити Киевской Софии и граффити Нубии (см. Евдокимова 2008, 87-92), η вместо οι характерна для надписей Каппадокии (см. Евдокимова 2008, 113), υ вместо οι для Каппадокии и Афин (см. Евдокимова 2008, 116-117).» В то же время под ударением «ε» вместо «η» в имени «Δημέτρις», что может указывать, что в этом регионе, как и в Каппадокии, в ряде случаев смешивались [i] и [e].

Вторая тенденция в граффити этого региона замена «ο» вместо «ω» часто происходит в ударных позициях. Одно из таких слов «ζοντα» (ζῶντα) в других опубликованных надписях византийского времени не встречается в таком написании. Другие в ударном слоге: «εγο» (ἐγώ), «εχθρον» (ἐχθρῶν), «δεξιῶν», «Κόσ(τας)» (Κώστας), «Θώδоре» (Θεοδώρε), «Γεογη» (Γεώργης), «[Ἄ]νανεόθ(η)». В предударном слоге: «ἀμαρτολὸν» (ἀμαρτωλὸν), «Κον[στ]αν[τίνω]», «[Γ]ιοάννη», в заударном слоге: «Προκοπήο» и в артикле «τῷ». И обратная мена «ο» на «ω» в именах под ударением: «Γριγώρ[iv],

«Θεώ[δω]ρον» и в предударном слоге: «Θεωδόρις» и «Προκωπίου», в существительном в заударном слоге «δοῦλως» и в глаголах в предударном слоге: [β]ωί[θ]υ, βωήτ(ει?).

Процессы связанные с монофтонгизацией дифтонгов представлены в основном вариациям, связанными с дифтонгом «ει». В разных памятниках в предлоге «εἰς» вместо «ει» встречается, как «η», так и «ι». В глаголе «φυλάξει» дважды встречается замена «ει» на «ι», а также в существительных: в ударном слоге: «βοηθία» и в заударном слоге: «ἀλήθεια». А в глаголе «βοήθει» частотнее «η» (два варианта с «ι» βοήθι XIII в. и «βοήθι» из памятника XIII-XV вв.), но возможен и вариант «[βο]ύθυ», в котором и «η» и «ει» передаются как «υ», такая же замена «ει» на «υ» в глаголе: «[κατακ?]υτε» При этом кроме упомянутого полного варианта написания «Κύρηε», в одном граффито на памятнике X-XI вв. начертано «Κύρυε», с меной «ι» на «υ» и в соседней надписи на том же памятнике «Κίριε» с обратной меной. Такая же замена «ι» на «υ» в имени в предударном слоге: «Ἰω(άννης)» (XIV-XV вв.). Что указывает скорее на особенности данного памятника, чем характеризует регион в целом. Обратная мена «η» на «ει» встречается в той же группе памятников «εἰμέρα» и в другом памятнике другая обратная замена «ι» на «ει» в заударном слоге: «εἰσχυρός». «η» вместо «οι» в глаголе в предударном слоге «Ἐκημή(θη)» Кон. XIII — нач. XIV в. Вместо «αι» употреблено «ε» в глаголах: в предударном слоге: «Ἐνκενυάσθη» и в заударном: «[κατακ?]υτε». А обратная замена в предударном слоге в глаголе: «καικράζεται».

При анализе орфографии согласных выявлено несколько случаев «φ» вместо «θ» в глаголе «βούφη» и наоборот в имени «Θωτήου» (Φωτίου), такая взаимозамена характерна для граффити Киева (см. Евдокимова 2008, 87) В другом памятнике «τ» вместо «θ» в глаголе «βωήτ(ει?)». «ν» вместо «γ» в существительных «σηνυ(ενεῖ)» и «ἀνγέλοις» и в глаголах «Ἐνκενυάσθη» и «ἐνγιεῖ» дважды. «ν» вместо «μ» в глаголе «ἐνπλήσω», в существительном «συνπτόματος». «λ» вместо «ρ» в существительном «τέρψις» и опущение «ρ» в имени «Γεογη» в том же комплексе памятников. Дегиминация в имени «Σαβῆ», также встречающаяся в других регионах контактов греческого с другими языками.

Во многих регионах византийской империи встречается в надписях и граффити неправильное написание месяцев, Крым не исключение. С пропуском согласного: «Ν[ο]εβρ[ίω]» (Νοεμβρίω) или вставкой согласных и пропуском гласного: «γενοαρ[ί]ο» (Γανουάριος).

На стыке орфографии и морфологии оказывается написание имен «Ἰωάννης», «Θεωδóρις» etc, которое можно трактовать и как третье склонение вместо первого.

Что касается акцентуации, большая часть надписей этого региона не содержит знаков акцентуации. Однако, в одном из неопубликованных граффито дважды встречается смещение обличенного ударения влево (δοῦλλῶν, τοῦ), на первый элемент дифтонга. Это является особенностью александрийской системы акцентуации и встречается в граффити и в надписях в других регионах (Каппадокии,). В слове «δοῦλλῶν» безударный слог также маркирован обличенным ударением и в имени «Θῶδορε» гравис на предударном слоге, что тоже характеризует александрийскую систему. В этой же записи встречается логическое ударение на сокращении «Θύ», что относится к другой системе акцентуации, которую можно было бы назвать логической, встречающейся в Киеве, Болгарии, Афинах.

Таким образом, большая часть лингвистических особенностей граффити Крыма приходится на отражение в орфографии фонетических изменений, начавшихся еще в период койне. Выявленные лингвистические тенденции сближают крымские памятники прежде всего с граффити Киева и Каппадокии.

Библиография:

ЕВДОКИМОВА А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской. Москва: 2008 (диссертация).

ЕВДОКИМОВА А.А. Палеография греческих граффити Софии Константинопольской, Софии Киевской и Софии Новгородской: сравнительный анализ. // Аристей VII. Москва: 2013. С. 132–180.

ЕВДОКИМОВА А.А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности В сборнике: Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Материалы III Международной научной конференции. 2019. С. 95-104.

Ильин М.В.

ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА О БОЛЬШОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ. ЧЕМ ОНО ЯВЛЯЕТСЯ И НЕ ЯВЛЯЕТСЯ? ЧЕМ СТАЛО И ЧЕМ МОЖЕТ СТАТЬ?

Ilyin M.

Four questions about the Greater Mediterranean.

What it is and is not?

What it has become and what it can become?

Выступление нацелено на то, чтобы прояснить основные параметры исследовательского и образовательного проекта Севастопольского государственного университета «Большое Средиземноморье», а также очертить основные контуры самого феномена Большого Средиземноморья.

В условиях возвращения Крыма в Россию и создания Севастопольского государственного университета его руководство, а в конечном счете и весь коллектив университета оказались заинтересовано в мощном научном проекте, который мог бы выступить в роли междисциплинарного интегратора различных научных и образовательных направлений, стать своего рода маркой университета. Такой проект должен быть междисциплинарным, охватывая науки разных циклов от естественнонаучных до социальных и гуманитарных. Требовалось найти предмет, отдельные стороны и аспекты которого открыты для изучения самых разных наук, но при этом подключение различных дисциплинарных традиций и методологий не только не мешает понять многомерность самого феномена, но и создает новые познавательные эффекты, которые востребованы мировой наукой.

Таким феноменом может стать Большое Средиземноморье.

Прежде, чем отвечать на вопрос, что это такое, позвольте задать прямо противоположный — Чем Большое Средиземноморье не является?

Большое Средиземноморье не является конкретной «вещью», зафиксированной либо в пространстве, либо во времени. Его нельзя редуцировать к чему-то существующему *hic et nunc*, здесь и сейчас, когда-то и где-то. У него нет и не может быть жестких границ в пространстве. Его нельзя закрасить или заштриховать на карте. У него нет пределов во времени — ни в прошлом, ни в будущем. Этот феномен не поддается однозначным ограничениям и закреплениям, оставаясь изменчивым, многообразным и усложняющимся.

Большое Средиземноморье не является чуть расширенным, например, на крымском направлении привычным Средиземноморье в привычных ЕСовских и ООНовских членениях, или же в районировании нынешних справочников, учебников и википедий различного рода. Не пытайтесь вообразить Большое Средиземноморье с помощью привычных образов географических карт, государственных территорий и границ. Не надейтесь, что усилием воображения и разума сможете непосредственно увидеть его контуры здесь и сейчас как конкретное пространство в конкретный момент.

Что же такое Большое Средиземноморье?

Это глобальный эволюционный феномен, развивающийся во пространстве-времени всей нашей планеты и образующий своего рода ядро всей (или почти всей) ее эволюции от планетарных геологических структур до социальных и культурных инноваций нашего времени и грядущих времен.

Звучит амбициозно, однако это не пустые декларации, а констатация сути дела.

Эволюционный подход позволяет с одной стороны локализовать каждый момент развития в конкретном пространстве-времени с его пространственными и временными параметрами, но одновременно связывать каждый отдельный момент развития со всеми другими в единое целое. Если мы вслед за Фаустом воскликнем, — «Остановись, мгновение, ты прекрасно», — то вырвем это мгновение и «убьем» его, утратив связь с тем, что его создало и что оно само способно и призвано создать.

Большое Средиземноморье как планетарная структура возникло на месте древнего океана Тетис, который постепенно «закрылся» в том числе за счет глобальной скрепы-геосинклинали, которую именуют Альпийско-Гималайской. От него остались морские осколки в виде морей — Средиземного, Черного, Каспийского, Аральского — или иных «следов», которые продолжают его жизнь после смерти. Эта скрепа связала глобальную структуру двух полюсов: следов прежнего океанического центра планеты Средиземного моря и нового центра — Великого или Тихого океана. Она также связала континентальную структуру Сердцевины Земли (Heartland) с полукругами новых океанических пространств. Она стала своего рода центральной зоной для миграций вышедшего из своего африканского лона человеческого рода и образования рас, народов, языков, культур и цивилизаций. Конечно, можно и даже нужно изучать геологические структуры, климатические и экологические зоны, цивилизации, языки, страны и народы сами по себе в каждый момент их существования. Так можно получить бесценное знание об отдельных моментах в конкретном времени и пространстве. Однако каждый такой остановленный момент, каждое прекрасное мгновение рискует утратить свою связь с тем, что его создало и что оно само создает. Так вот, наш проект нацелен на то, чтобы выявить и осмыслить связи, которые возникали, возникают и будут возникать в ядре мирового развития, которое можно назвать Большое Средиземноморье.

Большое Средиземноморье — это длительность (*durée*) в безгранично расширяющемся (выходящим из себя) и сжимающемся (углубляющемся в себя) едином пространстве-времени эволюции. Это явление планетарного масштаба, возникшее при образовании ее нынешнего облика при замыкании океана Тетис. Разумеется, для нас (и человечества) это явление значимо примерно с момента появления в этом пространстве-времени людей. Но иметь в виду его прежние состояния не мешает, они много могут подсказать. Точно так же если мы выберем началом своего анализа возникновение современных культур, языков, цивилизаций, хозяйств, государств или их международных систем, современной науки

и техники, электронных средств коммуникаций, то пространство-время сожмется, но для его понимания прежние или более широкие состояния могут оказаться довольно важны.

Выделение подобного совершенно нового предмета исследования является нашим важнейшим и беспрецедентным конкурентным преимуществом. Всякое отступление к работе с привычными предметами и объектами исследования тут же обернется утратой данного преимущества.

Чем стало Большое Средиземноморье?

Большое Средиземноморье продолжает оставаться ключевой структурой эволюции, видимо, первого и основного месторазвития Старого Света и нашей планеты. Оно сыграло ключевую роль в придании эволюции глобальных параметров за счет выхода человечества в океаническую фазу развития и зеркального по отношению к трансокеанской экспансии также дополнительной трансконтинентальной экспансии сначала в северной Евразии на восток, а затем и по другим направлениям. Вполне естественное и необходимое формирование в сферических параметрах глобализации множественности альтернативных центров развития только оттеняет уникальное своеобразие и потенциал Большого Средиземноморья.

Значимость Большого Средиземноморья для России заключается в том, что ее многовековые связи и практическое подключение нему составляют ядро эволюционного потенциала при всех относительно недавних связях с иными центрами эволюции — атлантическими, тихоокеанскими или развивающимися в бассейне Индийского океана.

Чем может стать Большое Средиземноморье? Каковы ограничения его развития в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективе? Какие возможности и угрозы эти ограничения создают?

Данные вопросы крайне актуальны и с научных, и с прагматических точек зрения. Однако даже очень общие и предварительные ответы на них будут заведомо недостаточны без проведения масштабного исследования. Инициаторы такого исследования получают не просто конкурентные преимущества уже за счет одной лишь попытки его предпринять, но могут

в случае успеха предъявить результаты, имеющие всемирное значение для обеспечения устойчивого развития и управления составляющими его процессами.

Скажем скромно. Нам в Севастопольском университете нужно собраться и подготовиться к большой работе. Мы перед большим вызовом. Он заключается в том, чтобы показать городу и миру, всему мировому академическому сообществу, что, продолжая заниматься своими научными изысканиями, каждый на своем месте, мы сможем сложить свои результаты таким образом, что из калейдоскопических песчинок начнут складываться подвижные и многомерные картины бесконечного богатого развития нашего города, полуострова, страны и всей планеты.

Маковская Д.В.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ЭТНИЧЕСКОГО СТАТУСА (НА ПРИМЕРЕ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ)*

Makovskaya D.V.

Victimological Content of the Inconsistency of Ethnic Status (on the Example of the Crimean Tatar Ethnic Community)

Одной из самых актуальных проблем современности остается этнополитическая конфликтность, возникновение и развитие которой зачастую детерминируется присутствием рассогласованности этностатусных параметров народов, населяющих современные государства.

Противоречивость этнического статуса может быть присуща различным системам этнической стратификации и проявляется как рассогласованность различных статусов этнической группы. Являясь продуктом сочетания реального или воспринимаемого как реальное этнического неравенства по всем или отдельным осям стратификации, этностатусная противоречивость играет значительную роль в стремлении этнических групп изменить в свою пользу существующую систему социальной стратификации.

Конфликтогенный потенциал этностатусной противоречивости прослеживается в рамках основанных на множественной нелинейной казуации

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31790 «Концептуализация модели этнонациональной виктимизации населения Украины на примере Херсонской области с учетом общеукраинских и региональных контекстов конструирования образа жертвы».

специальных теорий этнополитического конфликта, где значительная роль уделяется этнопсихологическим факторам поведения этнических субъектов.

Влияние этнопсихологического фактора тесно связано с социально-психологическими процессами, поскольку восприятие отдельными группами своего статуса и отношений с другими группами в рамках этноса и вне его определяет их интерпретацию и понимание этнических интересов.

Как отмечает М. Савва, этнический статус является производной группового создания, который воспринимается и интерпретируется индивидуумами и определяется через систему субъективных оценок и объективных показателей. Кроме того, он является очень важной составляющей социального самочувствия человека, которое прямо влияет на чувство национальной ущемленности [Савва 1997:25], может способствовать виктимизации этнических субъектов.

Значительную роль среди объективных показателей этнического статуса играет положение в системе государственной власти: обладание властью является признаком высокого статуса, повышает конкурентные возможности в борьбе за ресурсы, дает возможность представителям этнической общности проводить политику в интересах своей этногруппы [Савва 1997:58].

Наглядно значимость рассогласованности между объективным политическим статусом и его субъективным восприятием прослеживается на примере этнополитической конфликтности в Крыму в период его пребывания в составе Украины.

Автономная Республика Крым (АРК) была проблемным в контексте межэтнических отношений регионом, где ключевой темой развития этнополитической ситуации являлась крымскотатарская. По результатам Всеукраинской переписи населения 2001 г. крымские татары составляли 12% (третий по численности этнос в АРК после русских (58,3%) и украинцев (24,3%)). В дальнейшем процент крымско-татарского населения в АРК увеличился примерно до 14%.

Основными акторами конфликта в Крыму с одной стороны выступали органы национального самоуправления крымско-татарского народа Курултай и Меджлис (Меджлис крымско-татарского народа, запрещенная в России организация), с другой стороны — государство, властные структуры на автономном и государственном уровнях. Ключевой аспект конфликтных взаимоотношений заключался в несоответствующем, по мнению лидеров Меджлиса, политическом статусе крымских татар. Основные политические цели деятельности Меджлиса находились в противоречии с действующим законодательством Украины. Изначально этой целью, сформулированной в Положении о Меджлисе крымскотатарского народа, в Декларации о национальном суверенитете крымско-татарского народа, Проекте Конституции Крымской Республики, утв. Меджлисом 29 декабря 1991 г. являлась реализация права крымско-татарского народа на создание национального суверенного государства.

Последующее декларируемое изменение ключевого направления деятельности Меджлиса формулировалась следующим образом: «Главным условием в достижении реального равноправия крымско-татарского народа на своей исторической территории является... преобразование статуса Автономной Республики Крым в национально-территориальную автономию в составе независимой демократической Украины» [Четвертая сессия III Курултая крымско-татарского народа 2001:82].

Но принятие данной формулировки не повлекло за собой коррекции упомянутых выше документов. В сочетании с заявлениями лидеров Меджлиса это давало основания продолжать рассматривать их в качестве программных документов данной структуры [Никифоров 2008: 49].

К числу основных требований лидеров крымских татар, касающихся их политического статуса, можно отнести следующие:

- 1) требование равного с представителями других национальностей доступа к государственной службе.
- 2) требование гарантированного представительства крымско-татарского народа в избираемых органах власти и местного самоуправления: квота для представительства в Верховной Раде Украины при общей

численности крымско-татарского населения 0,5% от всего населения Украины — не менее 1% от общего количества народных депутатов Украины; квота в Верховной Раде (ВР) АРК — не менее 20% от общего количества депутатов;

3) требование обеспечения представительства в органах местного самоуправления, пропорциональное проценту крымско-татарского населения в границах территории, где проводятся выборы;

4) требование легитимизации деятельности Меджлиса и Курултая как представительных органов крымско-татарского народа, их участия в разработке и реализации законодательства.

С учетом отсутствия в украинском законодательстве указания на использование этнического критерия при формировании депутатского корпуса и при принятии на службу в органы местного самоуправления, после преодоления проблем с получением гражданства в начальный период репатриации, политический статус крымских татар был достаточно высок. Меньшее представительство крымских татар в депутатском корпусе по сравнению с другими этническими общностями было связано с особенностями этнической карты Крыма.

Полученные в результате проведения оценки уровня восприятия экономической дискриминации, коллективной обиды и протестного потенциала, осуществленной по методике международного проекта «Меньшинства в опасности» демонстрировали, что индекс протестного потенциала крымских татар по оценке политической дискриминации был одним из наименьших [Маляренко 2010: 307].

Это вполне согласовывалось с уровнем политического статуса крымских татар, но входило в противоречие с тем, что 54,3% крымских татар считали необходимым более широкое представительство депортированных народов в органах власти Крыма (Кримський соціум, <http://razumkov.org.ua>). Кроме того, 32,6% считали необходимым придание крымско-татарскому народу статуса коренного народа Украины и 30,4% — официальное признание Меджлиса как представительского органа крымско-татарского народа (Там же). Высокий протестный потенциал крымских

татар был связан в первую очередь с требованиями автономии (сецессии) (наибольшие показатели) и коллективной политической обидой. Высоко оценивался крымскими татарами и уровень межгрупповой конфликтности на полуострове [Маляренко 2010: 307].

Таким образом, в вопросах касавшихся получения достижения национально-территориальной автономии, где крымские татары будут титульным этносом, для них была характерна рассогласованность между объективным и субъективным статусом. Это может объясняться как желанием занять доминирующее статусное положение в АРК, так и проявлением присутствовавшего в массовом сознании крымских татар «комплекса жертвы», который обуславливал восприятие своего политического статуса в качестве недостаточного для коренного населения Крыма, обладавшего в прошлом государственностью и подвергнувшегося депортации.

После перехода в политико-правовой состав Российской Федерации дискурс, связанный с политическими притязаниями крымских татар, претерпел определенные изменения. До перемещения на территорию Украины требования представителей Меджлиса касались закрепления на законодательном уровне норм, определяющих «статус крымско-татарского народа как коренного народа Крыма», «официальный статус высшего представительного органа крымскотатарского народа — Курултая и формируемых им органов» (Меджлис о проекте Конституции Республики Крым, www.avdet.org), «неотъемлемое право крымско-татарского народа на самоопределение на своей исторической территории — в Крыму — путем придания Республике Крым статуса национально-территориальной автономии» (Крымские татары на митинге требовали права на автономию, www.bbc.co.uk).

На данный момент географический охват территорий, на которую должны распространяться исключительные политические права крымскотатарского народа, по мнению фактически полностью утратившего свои реальные представительские функции Меджлиса, изменился. Он осуществляет попытки закрепить в украинском законодательстве присое-

динение к Крыму Херсонской области или ее части, чтобы впоследствии создать на данной территории Автономную Республику крымских татар с доминирующим правом Меджлиса не ее управление.

Объективная оценка отношения крымских татар, переселившихся на территорию Херсонской области, к этому проекту невозможна из-за отсутствия репрезентативных социологических исследований. В публичном пространстве подобного рода инициативы озвучиваются как необходимые для сохранения этнической идентичности крымских татар. Но здесь необходимо принимать во внимание рациональный интерес лидеров Меджлиса, декларирующих смещение центра «борьбы за государственность» крымских татар на территорию Херсонской области, к сохранению за собой представительных функции и востребованности у руководства Украины и зарубежных государств и организаций,

Представители крымскотатарской общности, находящиеся на территории полуострова, публично не демонстрируют этностатусные претензии, связанные с доступом к власти. Но по данным опубликованных исследований, «идея государственности продолжает оставаться одной из самых популярных» [Муратова 2020: 93] среди крымских татар, при этом ассоциируясь с «чувством безопасности» и такими ценностями выживания народа как сохранение языка, проживание на территории своей Родины, сохранением традиций. Это позволяет говорить о сохранении в крымскотатарском сообществе Крыма проявлений виктимности и необходимости реализации мер, направленных на его девиктимизацию.

Библиографія:

Крымские татары на митинге требовали права на автономию // www.bbc.co.uk/russian/international/2014/05/140518_crimea_tatar_deportation_anno

Кримський соціум: лінії поділу та перспективи консолідації (Аналітична доповідь Центру Разумкова) // Національна безпека і оборона. Київ, 2009. № 5 (109). С.2–72 (http://razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSD109_ukr.pdf)

МАЛЯРЕНКО Т.А. Соціальний конфлікт у системі загроз економічній безпеці держави: монографія. – Донецьк: ДонДУУ, 2010. 407 с.

Меджлис о проекте Конституции Республики Крым // www.avdet.org/tr/node/9362.

МУРАТОВА Э.С., ДЮЛЬБЕРОВА Л.Я., АПСЕЛЯМОВА А.И. Крымские татары в условиях трансформации политического пространства. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал»», 2020, 192 с.

НИКИФОРОВ А.Р. Этнополитические процессы в крымскотатарской среде в 2001–2008 гг.: ход развития и перспективы // Культурно-цивилизационный диалог и пути гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму: сб. науч. ст. Симферополь, 2008. С.38–74.

ПЕТРЕНКО Г. Ленур Ислямов, АТР: Как любой народ, крымские татары не хотят исчезнуть. Отсюда и наша напористость // <https://detector.media/rinok/article/174895/2020-02-20-lenur-islyamov-atr-kak-lyuboi-narod-krymskie-tatary-ne-khotyat-ischeznut-otsyuda-i-nasha-naporistost/>

САВВА М.В. Этнический статус: конфликтологический анализ социального феномена. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. 184 с.

Четвертая сессия III Курултая крымско-татарского народа: 5-6 января 2001 г, Документы и материалы. Симферополь: Оджакъ, 2001. 120 с.

Мальцева Д.А., Сафонова О.Д.

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ И РИСКИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ*

Maltseva D.A., Safonova O.D.

Efficiency Factors and Risks of Forming a Regional Model of Strategic Management of the Republic of Crimea

В статье рассматривается специфика магистральных факторов, оказывающих влияние на политико-социальные и экономические трансформации в Республике Крым, а также исследуются институциональные, аксиологические и правовые траектории интеграции Крыма в контексте реализации национальной модели государственного стратегического управления.

Главная стратегическая цель региона заключается в накоплении, развитии, а также усовершенствовании человеческого капитала путем повышения стандартов качества жизни человека, инвестирования в сферу образования, здравоохранения, досуга и отдыха, поддержания мировых экологических стандартов и стремительного технологического продвижения. Основываясь на анализе основных характеристик стратегических сценариев долгосрочного развития Республики Крым (а именно, — консервативного, модернизационного и инновационного), можно сделать вывод о том, что «Республика Крым 2030 — территория инноваций с опережа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-011-00393 «Координационные эффекты стратегического управления политико-административными процессами в условиях цифровизации».

ющими темпами социально-экономического развития, сформировавшая качественно новые стандарты жизни населения и создавшая лучшие в России условия ведения бизнеса, реализующая геостратегические интересы страны в мире и Азово-Черноморско-Средиземноморском макрорегионе» [Стратегия 2020].

. Стратегический вектор модернизации Крыма ориентирован на создание инновационной экономической инфраструктуры, в частности, — в высокотехнологичных отраслях, инвестиции в науку и образование, а также развитие агропромышленного сектора и высокодоходного туристского сектора международного класса.

Эффективность регионального стратегического управления зависит от множества взаимозависимых факторов риска, к которым относятся следующие: общие финансовые кризисы и пандемия, неустойчивые конфигурации развития, межкультурные, межнациональные и этноконфессиональные коллизии, формирование «новой идентичности», миграционные процессы, экономические факторы санкционной политики и др.

Таким образом, можно заключить, что развитие «умной экономики» и создание благоприятного инвестиционного климата может быть реализовано только путем решения комплекса стратегических задач, включающих выработку и последующую имплементацию сценариев управления человеческим капиталом в структуре политико-экономических и социальных процессов.

Библиография:

Стратегия социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года. // URL: https://business.rk.gov.ru/medias/files/strategy_lite.pdf/ (дата обращения: 18.09.2020).

Москаленко О.А., Ирхин А.А.

КРЫМ И СЕВАСТОПОЛЬ КАК ЭЛЕМЕНТЫ БРИТАНСКОГО ИМПЕРСКОГО МИФА XIX–XXI ВВ.

Irkhin A., Moskalenko O.

Crimea and Sevastopol as Elements of the British Empire Myth of the XIX–XXI centuries

Две страны с великим имперским прошлым — Россия и Великобритания — в конце второй декады XXI века вновь появляются на мировой арене как самостоятельные системообразующие субъекты. Одним из этапов столкновения имперских систем России с одной стороны и ведомой Британией западной коалиции с мусульманским Востоком с другой стала Крымская война 1853-1856 гг. Обширные культурно-исторические связи двух стран нашли отражение во взаимодействии и взаимовлиянии британской и русской литератур. Имагологический ракурс их изучения концентрируется на создаваемых в литературных произведениях образах других наций и народов. Хотя исследователями обозначены основные вехи формирования «русского мифа» в британском сознании, вопрос о взаимоотношениях русского и западного миров, о месте России в человеческой цивилизации остается открытым. Сейчас образы других народов изучаются преимущественно на материале медийного дискурса (а британские СМИ старательно формируют крайне негативный образ русских и России), но, тем не менее, потенциал художественных текстов остается так же велик для имагологического анализа, а изучение проблемы рецепции «другого», попытки понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях, тем интереснее, чем теснее взаимодействуют и переплетаются художественный и медийный дискурсы. Тем более, что в настоящее время медийный

стереотип в большей степени, чем раньше, становится основой для создания художественного текста, особенно политически и идеологически ангажированного.

Русский миф — заметное явление в британской литературе, но тема Крымской войны 1853-1856 гг. находит в ней весьма сдержанное выражение. К середине XIX века Россия начинает восприниматься Британией однозначно: в роли врага. Став для Британии первой крупной кампанией со времен Наполеоновских войн, Крымская должна была дать второе дыхание имперскому патриотизму. Ведь национальная идентичность ярче всего обнаруживается только при наличии оппозиции: ничто так не оттеняет качества «Своего», как наличие «Иного». Итак, как же выглядел враг, который был необходим, чтобы подчеркнуть важность участия Британии в войне, объяснить, зачем и почему умирает от холеры и других болезней цвет британской нации?

К 1855 году было опубликовано на страницах газет более 260 поэтических произведений, но все они отличались низкими художественными качествами, грешили сниженной лексикой и жаргоном. Враг прекрасной девы (именно таков стереотипный образ Британии, находящейся под защитой героических солдат) — русский медведь (животное глуповатое, агрессивное). Именно его изображали на листовках и им же иллюстрировали печатавшиеся стихи. Другим воплощением врага британского солдата становится русский император Николай I, пренебрежительно называемый Nick, Nicky, оказывающийся в центре самых нелюбимых метафор (например, одна из знаменитых баллад называется «Emperor of Russia kicked the Bucket»). Однако, как справедливо отмечает О. Сидорова, в литературный канон эти уничижительные образы почти не вошли, оставшись достоянием низкой культуры — медиа и уличных баллад [Сидорова 2014: 107].

В стихотворении А. Теннисона «Атака легкой кавалерийской бригады», воспевающим 600 британских кавалеристов, героически бросившихся под перекрестный огонь русских пушек, русские упомянуты вскользь: образ русского врага здесь не нужен, ведь речь о моральной победе

британской армии, когда не важны потери, а важна сила духа. Но именно этот эпизод сражения под Балаклавой задаст тон другим произведениям, которые появятся позже. Первые несколько романов о Крымской войне выходят на рубеже XIX-XX вв.: они рассчитаны на подростков и рассказывают им о героях британской армии, их задача — вернуть молодому поколению ощущение величия Империи, которое в силу объективных причин к этому времени оказывается полностью утрачено.

Новая волна интереса к Крымской войне наблюдается в конце XX — начале XXI вв. Среди романов разных жанров можно выделить два. Первый — «На острие удара» Дж. Фрейзера [Фрейзер 2017] о приключениях бравого вояки Флэшмена в Крыму, участии в атаке легкой бригады и путешествии вглубь России. Герой романа по типу — антигерой и все подвиги совершает случайно или в стремлении обрести личную выгоду. Но и собирательный образ русского врага лишен героизма. Причем, русские отвратительны настолько, что даже беспринципный Флэшмен становится для них моральным судьей. Другой роман — постмодернистское произведение Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи» [Bainbridge 2012] крайне скупо обрисовывает русских. Но у автора, хотя она и стремилась к исторической достоверности, стояли другие задачи: показать, что человек — лишь винтик в машине войны.

В обоих романах значительная роль отведена географии и ландшафтам Крыма и России. Авторы исходят из географического детерминизма. Безграничные просторы, льющий на голову дождь, грязь под копытами, враждебные ветра становятся причиной поражений британской армии. Русские будто сливаются с просторами своей земли — и англичане оказываются здесь чужеродным элементом.

Россия середины XIX века подается английскими авторами как страна трех совершенно различных этносов: это татары, казаки и русские.

Татары изображены в качестве автохтонного крымского населения. Они наделены и в художественных текстах негативными чертами: лентяи и жулики, не участвующие в войне, стремящиеся облапошить англичан, пугающие своей мрачной и чуждой силой, странные, непонятные.

Но когда пленный Флэшмен попадает вглубь России, этнотип татар вдруг приобретает положительные черты: они — высокие, статные, смелые — противопоставляются малохольным, уродливым крепостным и жестоким, глупым русским дворянам и офицерам (последние изображаются через традиционную метафору русского медведя). Что интересно, даже русские дворянки в сравнении с британскими леди проигрывают, потому что ведут себя похабно и пьют алкоголь. Эти примеры яркая иллюстрация положения о том, что положительные качества «Своего» актуализируются наиболее ярко в оппозиции к «Чужому».

В обоих романах главной военной силой России изображены казаки. Кажется, что вся мощь русской армии — казаки, которыми управляют российские офицеры-дворяне, отсиживающиеся в тишине военных лагерей. Даже Легкой бригаде наносят поражение исключительно «казаки-черноморцы».

Постмодернистский роман «Мастер Джорджи» отличает более глубокий анализ причин и последствий событий 1854 года. «Севастополь — ворота России в Средиземноморье» [Vainbridge 2012: 69], — говорит один из героев романа. Автор романа воспроизводит официальную точку зрения на суть конфликта Великобритании и России: речь о столкновении двух империй, борющихся за господство. Британские политики и русский император предстают здесь одинаково бездушными, занятыми геополитической игрой, которая калечит отдельно взятые жизни. В роли главного противника оказывается теперь Российская империя, которая, впрочем, все так же чужда, непонятна, враждебна и безгранична. Севастополь как топос-персонификация врага появляется уже позже: в XX веке в результате переосмысления отношений «Свой»-«Чужой». Город, казавшийся легкой добычей в период войны, с точки зрения нынешней геополитической ситуации оказывается ключевым для распределения сил на мировой арене.

Обращаясь к теме Крымской войны, современные британские авторы действуют в рамках уже устоявшегося, стереотипного мифа о России и русских. Тем более, что нынешний период характеризуется непростой

международной ситуацией, а, как известно, этнотипы заостряются в моменты напряженности между государствами. Итак, историко-литературоведческий анализ позволяет выделить базовые компоненты мифа о России и русских в британской литературе рубежа XX-XXI вв. о Крымской войне: враждебная территория, где существуют три различных этнотипа (татары, казаки и русские), царь-тиран и русские-рабы. В рамках такого мифа о Крымской войне имперский «моральный интервенционизм» Великобритании, предполагающий защиту слабого от сильного и визуально представленный в образе русского медведя, которого необходимо победить, выглядит вполне оправданным. Интенсивность негативной оценки России и русских в Крымской войне напрямую зависит от политической конъюнктуры, тем не менее, в пространстве этого мифа Севастополь определяется как топос с положительной или нейтральной оценкой и постепенно превращающийся в центр мифа как о России прошлого, так и настоящего.

Библиография:

СИДОРОВА О. Изображение Крымской войны в английской литературе // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 16 (3(130)). С.106–113.

ФРЕЙЗЕР Дж. Флэшмен на острие удара. – М., 2017.

BAINBRIDGE B. Master Georgie. London, 2012.

Романова Н.Г.

ИТАЛО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1911-1912 гг. И РОССИЯ: ПОПЫТКА ПЕРЕСМОТРА РЕЖИМА ЧЕРНОМОРСКИХ ПРОЛИВОВ

Romanova N.

The Italian-Turkish War in 1911-1912 and Russia:
the Attempt of the Black Sea Straits Routine Review

В начале XX века политическую жизнь в Европе определяла конфронтация двух политических блоков: Тройственного союза и Тройственного соглашения (Антанты). Итальянский правящий кабинет сумел извлечь пользу из этого противостояния, проведя секретные переговоры с ведущими европейскими державами, в ходе которых Италии удалось заручиться их поддержкой относительно своего намерения захватить у Турции ее североафриканские владения.

Россия была одной из великих держав, принявших самое активное участие в разрешении итало-турецкого вооруженного конфликта 1911-1912 гг. Являясь полноправной участницей Тройственного соглашения, Россия стремилась выступить в роли посредницы между воевавшими сторонами. В октябре 1911 г., в январе-марте 1912 г. и на заключительном этапе войны мирные предложения российского министерства иностранных дел, хотя и не были полностью приняты, тем не менее сыграли огромную положительную роль в урегулировании итало-турецкого конфликта. Подписанное в октябре 1909 г. в Раккониджи между Италией и Россией соглашение подтверждало, что страны обязуются благожелательно относиться: первая — к русским интересам в вопросе о черноморских проливах, вторая — к интересам Италии в Триполитании и Киренаике. Вообще вопрос о свободном проходе русских судов через проливы в Средиземное море долгое время оставался болезненным вопросом для российской дипломатии в ее отношениях с Турцией.

Неоднократные попытки вернуться к пересмотру Берлинского трактата 1878 г. о режиме проливов наталкивались на сопротивление турецкого правительства с молчаливого согласия остальных европейских держав. Незадолго до начала итало-турецкого конфликта Россия была вновь встревожена усилением антироссийских настроений в Турции.

Неизменно благожелательная позиция российской дипломатии по отношению к Италии не могла быть полностью бескорыстной. МИД России намеревался, воспользовавшись войной, вернуться к пересмотру режима черноморских проливов, а также добиться уступок в вопросах железнодорожного строительства в Турции, изменений турецко-персидской границы и др. Помимо этого, Россия пыталась укрепить с помощью соглашения в Раккониджи свои позиции и среди Балканских государств.

Крупнейшие европейские страны не были заинтересованы в открытии проливов для русских военных судов. Циркулярная нота России европейским державам с предложением о пересмотре режима проливов встретила крайне холодный прием. Особенно резко воспротивилась решению этого вопроса Англия. Также неудачей закончились попытки России организовать совместное заявление великих держав с протестом против закрытия проливов в связи с военными действиями. В течение всего итало-турецкого конфликта Турция, как только появлялась реальная угроза подхода итальянского флота к Дарданеллам, в виде предохранительной меры немедленно закрывала проливы, устанавливая в них плавучие мины. Торговое судоходство полностью прекращалось. Россия, как нейтральная держава, интересы которой в этой ситуации оказывались максимально затронутыми, страдала больше всего. Ее торговые корабли, в огромном количестве скапливавшиеся у входа в проливы, терпели колоссальные убытки, в результате чего возникали опасения, что экономика большинства южных губерний может стать полностью парализованной.

Еще до заключения мира с Италией, Россия стремилась решить все спорные вопросы с Турцией, справедливо опасаясь, что «после заключения мира вся горечь разочарования турок отразится на наших переговорах, если к тому времени мы не успеем привести их к благоприят-

ному окончанию» — писал российский посол в Турции Гирс министру иностранных дел Сазонову (АВПРИ, ф. «Политархив», д. 3191, стр.252).

Несмотря на выполнение всех соглашений, заключенных в 1909 г. в Раккониджи и неоднократные положительные усилия по мирному урегулированию вооруженного конфликта между Италией и Турцией, России не удалось, однако, полностью решить ни одной из своих проблем. Надежда на возможность пересмотра режима черноморских проливов провалилась из-за отрицательного отношения к ней всех европейских держав, а особенно союзной Англии.

Библиография:

АВПРИ, ф. «Политархив», д.3191, стр.252.

Чудинов А.В.

ВЛИЯНИЕ ЕГИПЕТСКОГО ПОХОДА БОНАПАРТА НА СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ*

Tchoudinov A.

The Influence of Bonaparte's Egyptian Expedition to the System of International Relations in Eastern Mediterranean

История Египетской экспедиции (1798-1801) Наполеона Бонапарта получила за прошедшие двести с лишним лет достаточно подробное освещение в мировой историографии. Однако историков, ранее писавших на эту тему, интересовали преимущественно ее военные и естественнонаучные аспекты [см., например: Boudon 2018; Сур 2015]. Гораздо меньше внимания уделялось значению Египетского похода для системы международных отношений, которые в данной связи если и освещались, то лишь в качестве контекста собственно экспедиции. Между тем, влияние этого, казалось бы сугубо локального, военного предприятия Первой французской республики на систему международных отношений в Европе вполне сравнимо со знаменитой «дипломатической революцией» середины XVIII в., полностью изменившей состав ранее существовавших военных союзов и превратившей бывших друзей во врагов и, наоборот, прежних противников в союзников.

Задуманная как сугубо точечная акция по «принуждению к миру» Великобритании, единственной европейской державы, еще продолжавшей сопротивляться внешнеполитической экспансии революционной Франции, Египетская экспедиция получила совершенно неожиданный для француз-

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00226.

ских правителей мощный международный резонанс в силу того, что ее подготовка и осуществление были в максимальной степени отмечены тем авантюризмом и той ставкой на грубую силу, которые в целом были присущи внешней политике Французской революции. В частности, топорные действия французских военных и безалаберность французских дипломатов привели к формированию в Восточном Средиземноморье сильного антифранцузского альянса, включавшего в себя еще, казалось бы, непримиримых «естественных» противников, объединенных стремлением изгнать французов с Ближнего Востока.

Из-за проваленного внешнеполитическим ведомством Первой республики дипломатического сопровождения этой экспедиции (отмененный визит министра иностранных дел Талейрана в Константинополь) французам не удалось убедить султана в том, что вторжение Бонапарта в Египет направлено исключительно против мамлюков и не имеет целью отторжение этой провинции у Османской империи [Подробнее см.: La Jonquière 2003; Laurens 1997]. В результате, Бонапарту удалось добиться того, что накануне его авантюры считалось просто немыслимым: Турция из «вечного» союзника Франции превратилась в ее противника, вступив в новую антифранцузскую коалицию. Россия, напротив, из «естественного» врага Турции перешла в разряд ее союзников, а также сумела (на некоторое время) преодолеть былые противоречия с Англией, чтобы также стать одним из активных участников Второй коалиции.

Преследуя общую цель — изгнание французов из Египта, союзники по коалиции, однако, стремились к ней разными путями. Англичане выражали готовность разрешить временное пребывание французских гарнизонов в некоторых египетских портах, что дало бы им самим предложить оставить собственные войска в Египте на неопределенно долгий срок. Это вызывало недовольство и подозрения со стороны правительства султана, которое искало поддержки у России, идя ей навстречу в других стратегически важных вопросах. Русские же, как и турки, желали скорейшей и безоговорочной эвакуации французских войск с египетской земли. Но если турки предпочли бы прийти к такому итогу бескровным

путем переговоров, то для России важно было, чтобы изгнание французов произошло военным путем: в таком случае взаимно пролитая кровь помешала бы скорейшему восстановлению союзнических отношений между Францией и Османской империей, направленных по определению против России [Чудинов 2019: гл. 5, 8]. Именно поэтому представители России энергично старались сорвать реализацию франко-османского Эль-Аришского мирного соглашения 1800 г., активно используя методы тайной дипломатии, что им, в конечном счете, удалось. Возобновление военных действий между турками и французами в марте 1800 г. стало в немалой степени результатом усилий российского драгомана и разведчика Э. Франкини [Kléber 1995: t. 3].

В конечном счете, основными бенефициарами египетской авантюры революционной Франции стали ее противники — Россия и Великобритания. Россия без боя получила то, за что ранее ей пришлось тщетно вести кровопролитные войны, — свободный проход через черноморские Проливы, военно-морскую базу в Средиземноморье (Корфу) и союзное себе греческое государство — Республику Семи островов. Великобритания впервые сумела провести успешную военную интервенцию в Восточном Средиземноморье, открыв для себя новое направление будущей колониальной экспансии. Франция же, напротив, утратила свои исторически сильные позиции в данном регионе, которые ей с большим трудом придется восстанавливать на протяжении XIX в.

Библиография:

BOUDON J.O. *La campagne d'Égypte*. – Paris, 2018.

CYR P. *Égypte, la guerre de Bonaparte*. – Paris, 2015

Kléber en Égypte 1798–1800. – Paris, 1988–1995. – Т. 1–4.

LAURENS H. *L'expédition d'Égypte 1798–1801*. – Paris, 1997.

LA JONQUIÈRE C., DE. *L'expédition d'Égypte*. – Paris, 2003. – Vol. 1.

ЧУДИНОВ А.В. *Забывтая армия. Французы в Египте после Бонапарта*. – М., 2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ФИО \ Name, Family Name	Место работы \ Affiliation	E-mail
Аверьянов Юрий Анатольевич	К.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН, ведущий научный сотрудник ПСТГУ.	avanta_yuriy@mail.ru
Дубровская Динара Викторовна	К.и.н., с.н.с., Институт востоковедения РАН	distan@gmail.com
Евдокимова Александра Алексеевна	К.филол.н., с.н.с., Институт языкознания РАН	arochka@gmail.com
Ильин Михаил Васильевич	Д.полит.н., Научный руководитель проекта «Большое Средиземноморье» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	mikhaililyin48@gmail.com
Ирхин Александр Анатольевич	Д.полит.н., ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»	alex.irhin@mail.ru
Маковская Дарья Владимировна	К.полит.н., директор НГКЦ ИОНМО ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» СевГУ	76mdvl@mail.ru
Мальцева Дарья Александровна	К.полит.н., доцент кафедры теории и философии политики, руководитель основной образовательной программы высшего образования бакалавриата «Политология» СПбГУ СПбГУ	kerulen@bk.ru
Москаленко Ольга Александровна	К.филол.н., доцент кафедры «Теория и практика перевода» Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» СевГУ	mutemuia@gmail.com
Сафонова Ольга Диомидовна	К.полит.н, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ	odsafonova@rambler.ru
Романова Наталья Геннадиевна	К.и.н., Зам. директора Институт востоковедения РАН	nromanova@ivran.ru
Чудинов Александр Викторович	Д.и.н., Институт всеобщей истории РАН.	annuaire-fr@yandex.ru

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ, КУЛЬТУРНЫЕ,
МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ, РЕЛИГИОЗНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
СВЯЗИ КРЫМА СО СРЕДИЗЕМНОМОРСКИМ РЕГИОНОМ
И СТРАНАМИ ВОСТОКА.

Материалы IV международной научной конференции
(Севастополь, 6-10 октября 2020 г.).

Том 3

Ответственный редактор

А.Д. Васильев

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, Ю.А. Пронина, В.В. Прудников

Отпечатано в

Подписано в печать 00.08.2020 г.

Формат 60×84 1/8, Условных печатных листов 5.12 Гарнитура Times

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК
ХЕРСОНЕС
ТАВРИЧЕСКИЙ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»